Кратко к молодому поколению

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕЖ83
К116

ЕЖС 83
К 116

ПЕТР КРОПОТКИН.

К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ.

8478

Цена 1 руб.

Издание
„ГОЛОС ТРУДА“.
1919.

П-04
К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2000
ЕЖС83
К116 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)
1179
26
97149

К МОЛОДОМУ ПОКОЛЕНИЮ.

I.

Молодые люди, я обращаюсь сегодня исключительно к вам. Пусть старики, т. е. старые духом и сердцем, оставят эту книгу и не утомляют даром глаз чтением, которое им ничего не даст.

Я полагаю, что вам восемнадцать, двадцать лет, что вы заканчиваете ваше образование или обучение ремеслу и вступаете в жизнь.

Я думаю, что вы свободны от предрассудков, которые вам старались внушить; вы не боитесь чертей и не станете слушать пустых бредней священников и пасторов.

Вы не принадлежите, конечно, к тем печальным продуктам человечества в периоде упадка, к тем жуирам, которые целые дни мерят тротуары в модных брюках, с вылощенными физиономиями, и уже в этом возрасте мечтают только о бесплодных развлечениях. Напротив, я думаю, что вы здоровые люди, жаждующие разумного труда, и поэтому я обращаюсь к вам.

Не раз уже вы ставили себе, должно быть, следующий вопрос: кем я буду? В вас ясно сознание, что вы изучили какую-нибудь науку или ремесло—на счет общества, заметьте это,—не для того, чтоб воспользо-

ваться ими, как орудием для эксплоатации. Надо быть слишком испорченным и из'еденным пороками, чтоб не желать в вашем возрасте посвятить все свои способности, знания и силы служению тем, которые коснеют в невежестве и нищете.

Вы, конечно, мечтали об этом?

Поговорим о том, как осуществить ваши мечты.

Я не знаю, в каких условиях вы родились и воспитывались. Может быть баловни судьбы, вы получили научное образование; вы будете доктором, адвокатом, писателем или ученым; широкое поле деятельности откроется перед вами; вы вступите в жизнь с обширными познаниями, с выработанными способностями к труду.

Может быть, вы будете честными ремесленниками; ваши научные познания ограничиваются тем немногим, что вы получили в начальной школе; но за то вы хорошо знаете, какова тяжелая трудовая жизнь наших рабочих.

Остановимся сначала на первом предположении. Представьте себе, что вы доктор.

Завтра придет рабочий звать вас к больной. Он поведет вас в один из тех грязных, узких переулков, где соседки через улицу жмут друг другу руки над головами прохожих.

При тусклом освещении коптящей лампы, задыхаясь от спертого воздуха и вони, подымаетесь вы в пятый этаж по грязной, скользкой лестнице. Вы входите в холодную комнату, где в углу, на куче грязных тряпок, лежит больная, покрытая какими-то лохмотьями.

Бледные, исхудалые дети, дрожа от холода, вопросительно смотрят на вас широко открытыми глазами. Всю жизнь муж работает по двенадцати, тринадцати часов в сутки, как-бы ни был тяжел его труд: теперь, вот уже три месяца, как он не находит работы. Безработица бывала и прежде: она повторяется периодически каждый год. Но тогда жена ходила работать поденно... быть может стирать ваши рубашки, по полтиннику в день.

Но вот уже три месяца, как она не встает с постели, и ужасающий призрак нищеты и голода стал перед семьей.

Что посоветуете вы больной, господин доктор? Вы, который знаете, что единственная причина ея болезни —недостаток пищи и воздуха? Хороший бифштекс каждый день, немного движений на свежем воздухе, сухую, свежую комнату? Какая насмешка! Разве она без ваших советов не знает, что все это ей нужно!

Если вы сумеете вселить к себе доверие и захотите поговорить с этой семьей, она расскажет вам, что за перегородкой живет гладильщица, которую постоянно мучает душу раздирающий кашель, что в нижнем этаже все дети лежат в лихорадке, что прачка, поселившаяся в подвале, не дотянет до весны и что в соседних домах еще того хуже.

Что посоветуете вы всем этим больным? Хорошее питание, перемену климата, менее изнурительный труд? Вы не решитесь, конечно, этого сделать и поторопитесь уйти с разбитым сердцем, с проклятием на устах.

Вы еще находитесь под впечатлением этой ужасной нищеты, когда ваш товарищ рассказывает вам, что за ним только что приезжал выездной лакей; он повез

его в роскошный отель к светской барыне, изнуренной бессонными ночами, отдающей жизнь туалетам, визитам, танцам и бесконечным ссорам с дураком мужем. Ваш товарищ предписал ей более спокойную жизнь, менее возбуждающую пищу, побольше прогулок и комнатную гимнастику, чтоб заменить до некоторой степени продуктивный труд.

Одна умирает оттого, что она никогда не была сыта и не отдыхала; другая чахнет оттого, что всю свою жизнь она не знала, что такое труд...

Если вы одна из тех дряблых натур, которые легко мирятся со всем, и при виде самых возмутительных фактов ограничиваются пустыми словами и утешаются кружкой пива, тогда, конечно, вы быстро свыкнетесь с этими контрастами и постараетесь, чего-бы это ни стоило, поскорее стать в ряды привилегированных, чтоб не попасть, как-нибудь, в число угнетенных. Но если вы «человек», если вы реагируете соответствующим поступком на каждое ваше чувство, если животные инстинкты не убили в вас окончательно мыслящего существа, тогда, выходя из дома нищеты и страданий, вы скажете: «Это несправедливо, это не должно идти так дальше! Надо предупредить болезни, а не лечить их. Немного довольства, побольше умственного развития и половина болезней исчезнет. Бросим все лекарства! Воздух, питание, менее изнурительный труд, вот с чего надо начать. Без этого медицина— только обман и надувательство!»

В этот день вы поймете, что такое социализм. Вы захотите поближе познакомиться с ним, и если альтруизм для вас не пустой звук, и вы примените к изучению социальных вопросов строгий метод нату-

ралиста, вы попадете в наши ряды и будете вместе с нами работать для социальной революции.

Но, быть может, вы скажете: «Бросим практику! Посвятим себя науке. Предадимся, подобно физику, астроному, химику, тем бесконечным радостям, которые дают изучение тайн природы и развитие наших умственных способностей». В таком случае скажите, чем отличается ученый, занимающийся наукой, от пьяницы, который ищет в жизни только непосредственного наслаждения и находит его в вине? Конечно, источник радости ученого дает более интенсивные и продолжительные наслаждения, но в этом вся разница! Оба они, и ученый, и пьяница, преследуют одну и ту же эгоистическую цель — личное удовлетворение.

Но вы не желаете этого эгоистического счастья. Занимаясь наукой, вы хотите приносить пользу всему человечеству; эта мысль будет руководить всеми вашими научными изысканиями...

Красивая иллюзия! Кто из нас не лелеял ее, отдаваясь впервые изучению науки!

Но если на самом деле вы заботитесь о человечестве, если счастье его—цель ваших умственных работ, то перед вами не может не предстать следующее ужасное возражение: наука в современном обществе является исключительно предметом роскоши. Недоступная большей части человечества, она исключительно служит для услаждения жизни небольшого числа избранных.

Посмотрите, вот уже более века, как наука установила здравые космогонические начала, а каково

число тех, которые их постигли и выработали в себе критическое, научное отношение к окружающему. Едва оно достигает нескольких тысяч, теряющихся среди сотен миллионов, которые затемняют свой разум предрассудками и суевериями, достойными дикарей, и служат игрушкой в руках духовенства.

Посмотрите, сколько сделала наука для выработки рациональных основ физической и нравственной гигиены. Она учит нас, как устроить жизнь, чтоб сохранить здоровье, как поддерживать в хорошем состоянии людские сообщества; она указывает нам путь к умственному и нравственному благосостоянию. И вся эта огромная научная работа остается мертвой буквой, не выходит из кабинета ученого. А почему? Потому, что наука существует сейчас только для привилегированных, потому что социальное неравенство, разделяющее людей на капиталистов и наемников, обращает все научные указания относительно улучшения жизни в издевательство над девятью десятыми человечества.

Я бы мог вам привести еще много примеров в подтверждение моей мысли, но вы сами найдете их: выйдите только из кабинета Фауста, уставленного книгами, с запыленными окнами, не пропускающими дневного света, и посмотрите на все то, что делается вокруг вас.

В наше время дело идет не о накоплении истин и научных открытий. Нам следует распространить и вложить в жизнь истины, забытые уже наукой, сделать их всеобщим достоянием. Мы должны стремиться к тому, чтоб все человечество стало способным их воспринять, чтоб наука стала основой жизни, вместо

того, чтоб быть предметом роскоши. Этого требует справедливость.

Даже больше: это в интересах самой науки. Наука только тогда прогрессирует, когда новые истины попадают в среду, способную их воспринять. Теория механического происхождения тепла, изложенная в прошлом веке почти в тех же выражениях, как у Гирна и Клаузиуса, оставалась восемьдесят лет зарытой в академических мемуарах, потому что познания по физике не были достаточно распространены, чтоб создать среду, способную ее воспринять. Нужно было три поколения, чтоб теория Эразма Дарвина об изменяемости видов была принята из уст его внука и признана учеными академиками, не без некоторого давления со стороны общества. Ученый такъ же, как поэт и артист, является продуктом той среды, в которой он вращается.

Если вы проникнитесь всеми этими мыслями, вы поймете, что прежде всего должен быть произведен полный переворот во всем современном строе, при котором ученые обладают научными истинами, между тем как большая часть человечества обречена оставаться тем, чем она была пять, десять веков тому назад: рабами и машинами, неспособными приобщиться к истинам, добытым наукой. В тот день, когда вы проникнитесь этой широкой, гуманной и глубоко-научной идеей, у вас пропадет желание заниматься чистой наукой. Вы всеми силами будете стремиться найти способ, чтоб изменить все существующее, и если безпристрастие, сопровождающее ваши

научные изыскания, не покинет вас, вы перейдете на сторону социализма. Вы отделаетесь от разных софизмов и станете в наши ряды. Вы скажете: «довольно работать на услаждение жизни тех, которым и так хорошо живется; посвятим свои знания, способности и силы на освобождение угнетенных!» И будьте уверены, что тогда сознание исполненного долга и гармония между вашими чувствами и поступками пробудят в вас силы, о существовании которых вы и не подозреваете. В тот день, когда свершится переворот, наука, черпая бесконечные силы в свободном коллективном труде целой армии работников, совершит грандиозный полет, в сравнении с которым настоящие ее успехи покажутся ученическими упражнениями. День этот не далек, как бы ни гневались ваши учителя.

Тогда наслаждайтесь наукой! Это наслаждение будет доступно всему человечеству!

II.

Положим, вы кончаете курс юридических наук и думаете заняться адвокатурой; у вас, должно быть, есть иллюзии относительно вашей будущей деятельности; я предполагаю, что вы честные, сердечные люди, и что вам не чужд альтруизм. «Можно-ли себе представить более благородную деятельность: посвятить свою жизнь бескорыстной борьбе с несправедливостью, заставлять всегда торжествовать закон—выразитель высшего правосудия!» думаете вы и вступаете в жизнь с полной верой в себя и в избранную вами деятельность.

Но откроем на угад судебную хронику и посмотрим, что нам скажет сама жизнь.

Богатый помещик требует, чтоб удалили с его земли фермера-крестьянина за невзнос арендных денег. С точки зрения закона не может быть никаких сомнений: раз крестьянин не платит, он должен уйти.

Но глубже вникая в дело, мы узнаем, что помещик все время расточал свои доходы на праздные увеселения, а крестьянин всегда работал. Помещик ничего не делал для улучшения своей земли, а стоимость ее за пятьдесят лет утроилась, благодаря проведению проселочных дорог, осушению болот, расчистке неплодородных склонов. Крестьянин же, на счет которого, главным образом, все это производилось, разорился, влез в долги и не в состоянии теперь заплатить помещику. Закон, всегда оберегающий собственность, конечно, на стороне помещика. Но что сделаете вы, в которых юридические функции не успели еще убить живого чувства? Потребуете-ли вы, чтоб выгнали на улицу фермера или чтоб помещик вернул крестьянину часть дохода за его труд?—Ведь последнего требует от вас справедливость. Перейдете-ли вы на сторону закона против справедливости, или же на сторону справедливости против закона?

А когда рабочий устроит стачку против хозяина, не предупредив его об этом за пятнадцать дней, кого вы будете защищать? Станете-ли вы на сторону закона, т. е. на сторону хозяина, который воспользуется моментом кризиса, чтоб бессовестно увеличить свои барыши (просмотрите последние процессы), или же против закона—за рабочих, умирающих в это время с голода? Станете-ли вы защищать эту функцию,

состоящую в утверждении «свободы сделок?» Или же вы постараетесь поддержать справедливость, в силу которой контракт, заключенный между сытым и продающим свой труд за хлеб, между сильным и слабым, нельзя признать за контракт?

Вот вам другой пример. В Париже арестовали человека за то, что он стащил из мясной лавки бифштекс. Оказалось, что это рабочий, не имеющий заработка, семья которого не ела уже четверо суток. Все упрашивают мясника отпустить его, но он преследует несчастного и требует торжества правосудия! Бедняка приговаривают к шестимесячному заключению. Того хочет слепая Фемида.—Возможно-ли, чтоб, при виде подобных фактов, ваша совесть не возроптала против закона и общества!

Станете-ли вы, например, требовать применения закона к несчастному, не слышавшему ни разу в жизни добраго слова, оскорбляемому с самого детства, за то, что он убил соседа из-за пяти франков? Потребуете-ли вы, чтоб казнили или—что еще хуже—приговорили к двадцатилетнему заключению этого преступника, вернее, больного, когда все общество ответственно за его преступление?

Потребуете-ли вы, чтоб засадили в тюрьму ткачей, которые в момент отчаяния подожгли фабрику? Потребуете-ли вы, чтоб сослали на каторгу этого юношу, покушавшегося на коронованного убийцу, стоящего вне закона? чтоб расстреляли восставший народ, который решился выкинуть на баррикадах красное знамя будущего?

— Нет, тысячу раз нет!

Если вы сознательно относитесь к окружающему,

а не повторяете то, чему нас учили: если вы освободите закон от фикций, которыми его затуманили с целью скрыть его происхождение—волю сильного, и его сущность—оправдание притеснений, завещанных человечеству его кровавой историей,—вы безусловно отнесетесь с глубоким презрением к этому закону. Вы поймете, что писанные законы стоят в прямом противоречии с законами совести. Вы откажетесь от традиции и придете к нам работать над уничтожением всех несправедливостей: экономической, политической и социальной.

Но тогда вы будете социалистом,—тогда вы станете революционером.

А вы, молодой инженер, мечтающий улучшить положение рабочих усовершенствованием способов производства,—знаете-ли вы, сколько разочарований вас ожидает! С юношеской энергией вы беретесь за проведение горной дороги, извивающейся над пропастью и разрезающей глыбы гранита, чтоб соединить две страны, отделенные друг от друга самой природой. Когда вы приступите к работе, вы увидите, как в темных тоннелях целые партии рабочих гибнут от болезней и лишений, как другие уходят с несомненными признаками чахотки, унося с собой лишь несколько грошей. Каждый метр вашей дороги будет стоить многих человеческих жизней, благодаря преступной скупости капиталистов. Когда же будет окончена ваша работа, вы поймете, что вы трудились над проведением дорог для пушек завоевателей...

Вы посвящаете свою молодость открытию, которое

должно облегчить производство, и после долгих усилий многих бессонных ночей, вы, наконец, достигли цели!

Что же оказалось? Десять, двадцать тысяч рабочих остались без заработка! Для приведения в действие вашей машины достаточно будет нескольких рабочих сил, детей, большей частью, сведенных на положение машин! Трое, четверо фабрикантов разбогатеют от этого открытия и «будут пить шампанское полными бокалами»... Об этом-ли вы мечтали?

Изучая положение рабочего класса, мы видим, что швея ничего не выиграла от изобретения швейной машины; что рабочие в Сен-Готарде умирают от глистов, несмотря на употребление горных сверлильных станков с алмазными головками; что каменьщик и поденщик по прежнему страдают от безработицы, вопреки изобретению под'емных машин Жиффара. Если вы отнесетесь к социальным вопросам с той непредубежденностью мысли, которая руководила вашими техническими изысканиями, вы неизбежно придете к заключению, что при существовании частной собственности и заработной платы, каждое новое открытие, даже если оно и улучшает несколько благосостояние рабочего, делает условия его службы тяжелее, труд более притупляющим, учащает безработицу, обостряет кризисы. Эти изобретения увеличивают лишь барыши тех, которые проводят жизнь в вечном наслаждении и праздности.

Что же вам остается делать?

Или убаюкать свою совесть софизмами и в один прекрасный день, распростившись с честными мечтами юности, постараться завладеть всем, что дает право на наслаждение и пойти в стан эксплоататоров. Или

же, если вы еще не окончательно зачерствели душой, сказать себе: — «Нет, теперь не время делать новые открытия! будем работать над преобразованием современного промышленного строя. Когда частная собственность будет уничтожена, тогда каждое новое промышленное усовершенствование будет служить благу всего человечества. Эта масса работников, сведенных ныне на положение машин, будет тогда целой армией мыслящих существ, которые внесут в промышленность свою инициативу, развитую наукой и практикой ручного труда. Техника достигнет в какие-нибудь пятьдесят лет таких успехов, о которых мы теперь не смеем и мечтать».

Что скажем мы школьному учителю, не тому, который смотрит на свою профессию, как на скучное ремесло, нет—учителю по призванию, чувствующему себя прекрасно среди толпы веселых шалунов, скачущих вокруг него с горящими глазами и радостным смехом, мечтающему привить этим младенцам те гуманитарные идеи, которые он лелеял в молодости?

Часто я вас вижу грустным, и я знаю причину вашей тоски. Сегодня ваш любимый ученик, живой и впечатлительный мальчик, с воодушевлением рассказывал легенду о Вильгельме Телле. Глаза его блестели; казалось, он готов был заколоть всех тиранов, так горячо прочел он эти строки Шиллера:

Пред рабом, разбивающим цепи,
Перед свободным — не дрожи!

Но когда мальчик вернулся домой, он получил строгий выговор от отца, матери, дяди за недостаток

почтительности к пастору. Родители целый день твердили [о [необходимости «осторожности, подчинения властям, послушания», так что Шиллер был отложен в сторону и заменен «Искусством устроить свою жизнь на белом свете»!

Вчера еще вам говорили, что ваши лучшие ученики идут по плохой дороге: один мечтает лишь об эполетах, другой, сообща с хозяином, эксплоатирует рабочих. А сколько надежд вы возлагали на этих молодых людей! Как ужасно противоречие между действительной жизнью и идеалом!

Я уже предвижу, что года через два, после многих разочарований, вы отложите в сторону ваших любимых авторов и скажете:

«Конечно, Телль честный отец, но он безусловно ненормален. Поэзия прекрасна, когда сидишь у теплого камина, после того, как целый день преподавал сложные проценты; но жизнь имеет мало общего со стихами поэтов, парящих в небесах, особенно, когда ждешь посещения господина инспектора»...

Или же, ваши юные мечты станут убеждениями зрелого человека. Вы будете стремиться к тому, чтоб все получали широкое, гуманитарное образование и, убедившись, что это невозможно при современных условиях, вы примете сь за разрушение основ буржуазного строя. Тогда, уволенный со службы, вы бросите школу и придете к нам работать с нами, чтоб показать людям, старше вас — но менее опытным — чем должно быть человечество, чем оно может быть и что есть привлекательного в знании. Вы будете помогать специалистам в их работе над полным преобразованием современного строя, вы будете вместе с ними

стремиться к достижению всеобщего равенства, солидарности и свободы.

А вы, молодой артист, скульптор, художник, поэт, музыкант, неужели вы не замечаете, что в вас нет того священного огня, который вдохновлял ваших предшественников, что искусство стало банальным, что везде царит посредственность?

Да и возможно-ли, чтоб это было иначе? Восторг, охвативший творцов эпохи Возрождения, когда для них воскрес древний мир, когда они обратились к чистым источникам самой природы, — отсутствует в современном творчестве. Революционные идеи еще не отразились в искусстве, и, за отсутствием какой-бы то ни было идеи, современные художники увлекаются реализмом. Они изощряются в фотографировании капли росы на листьях растений, в воспроизведении мускулов коровы, в тщательном описании, в стихах или прозе, смрада помойных ям и роскоши будуаров хорошеньких женщин.

9349

Но что же делать, спросите вы. Если священный огонь, который горит в вас, лишь тлеющий уголь, то продолжайте делать то, что вы деласте и доведите искусство до вырождения в ремесло декоратора, поставщика либретто для Буффа и фельетонов какому-нибудь Жирардену. Большая часть из вас уже вступила на этот пагубный путь.

Но, если ваше сердце бьется в унисон с сердцем человечества, если вы, как истый поэт, способны вслушиваться в биение жизни, то, при виде народа, умирающего от голода, трупов, наполняющих рудники, изувеченных тел, лежащих грудами у подножия бар-

рикад, при виде сосланных, идущих умирать за свои убеждения в снега Сибири и на берега тропических островов, в хаосе всемирной борьбы, сопровождающейся воплями побежденных и оргиями победителей, ожесточенных схваток героизма с трусостью, вдохновения с пошлостью,—разве можете вы оставаться пассивными! Вы перейдете на сторону угнетенных, потому что вы знаете, что прекрасное, великое,—словом, сама жизнь, т а м, где борются за истину, за свет, за справедливость!

Но вы возразите мне: «Если чистая наука—предмет роскоши, медицина—обман, если закон—несправедлив, технические открытия—орудия эксплоатации, если деятельность учителя—ложь, если искусство вырождается без революционных идей, то что же мне делать?»

«Вам предстоит», отвечу я, «громадная, увлекательная работа; труд, при котором ваши поступки будут гармонировать с вашей совестью, труд, способный захватить самые благородные, сильные натуры»

Какой труд? Я вам сейчас скажу.

III.

Или поступать все время против совести и кончить пошлым восклицанием: «Пусть гибнет человечество, лишь бы я мог наслаждаться и пользоваться всеми благами жизни, пока народ по глупости не пред'являет своих прав!» Или перейти на сторону социалистов и вместе с ними работать над преобразованием всего современного строя. Таков неизбежный вывод произ-

веденного нами анализа. Таково логическое заключение, к которому должен прийти всякий мыслящий человек, если только он отнесется честно к тому, что происходит вокруг него, и сумеет отделаться от софизмов, привитых ему буржуазным воспитанием и пристрастным мнением окружающих.

Тогда перед вами предстанет вопрос: «Что делать?»

Ответ не заставит себя ждать.

Покиньте среду, где вы родились и где смотрят на народ, как на бездушное стадо, идите к этому народу с верой в него, с желанием помочь ему. Там вы найдете себе работу.

Вы увидите, что везде, как во Франции, так и в Германии, как в Италии, так и в Соединенных Штатах, везде, где есть привилегированные и угнетенные, в недрах рабочего класса происходит грандиозная работа над уничтожением рабства, налагаемого капиталистическим феодализмом, и созданием нового общественного строя, основанного на справедливости и равенстве. Народ уже не довольствуется теперь пением душу раздирающих мелодий, в которые выливались страдания рабов XVIII века, которые поются еще русскими крестьянами. Он решительно идет к освобождению с полным сознанием своих сил, не останавливаясь ни перед какими препятствиями. Его мысль неустанно работает над созданием жизни, обезпечивающей счастье всем людям, переставшей быть проклятием для трех четвертей человечества. Он берется за самые сложные вопросы социологии и старается их решить, пользуясь своим здравым смыслом, своей наблюдательностью и тяжелым опытом.

Чтобы установить связи с другими угнетенными,

он организует общества, содержащиеся на средства самого народа. Он входит в соглашение с рабочими других стран и, лучше чем самые красноречивые проповедники филантропии, подготовляет день, когда войны между народами станут невозможными. Чтоб знать, что делают его братья и сговориться с ними, чтоб вырабатывать и пропагандировать новые идеи, он содержит,—но ценою каких лишений, каких усилий!—свою рабочую прессу. Наконец, когда настает час, он подымается и, обагряя своею кровью подножья баррикад, идет завоевывать себе свободу и права, которые богачи и власти сумеют вскоре направить опять против него, обращая их в свои привилегии.

Сколько постоянных, упорных усилий! Какая непрерывная борьба! Какая гигантская работа, работа вечно прерываемая, то чтоб наполнить ряды, поредевшие от пуль, и картечи; то чтоб заменить беглецов, не вынесших тяжести борьбы и преследований; то чтоб взяться за изучение социальных вопросов, прерванное массовыми избиениями!

Их газеты создаются людьми, которые должны были вырывать у общества обрывки знания, лишая себя сна и пищи; агитация поддерживается на средства бедняков, отдающих свои последние гроши; и все это под вечным страхом, что семья будет обречена на самую ужасную нищету, если только хозяин узнает, что «его рабочий, его раб—социалист!»

Вот что, прежде всего, вы найдете в среде народа.

И сколько раз, в этой безконечной борьбе, рабочие, изнемогая под тяжестью обстоятельств, тщетно задавали себе следующий вопрос:

«Где же молодые люди, которые получили образование на наш счет, которых мы одевали и кормили, пока они учились? молодежь, для которой, не разгибая спины, с пустым желудком, мы строили дома, академии, музеи и, с изможденными лицами, печатали книги, недоступные нам? А где профессора, эти двигатели гуманитарной науки, в глазах которых человечество не стоит редкого вида гусениц? Эти люди, которые постоянно кричат о свободе и не попробуют никогда защитить нашу свободу, ежедневно попираемую? Эти писатели, художники, поэты, вся эта шайка лицемеров, которые со слезами на глазах говорят о народе и никогда не попытаются помочь этому народу в его тяжелой борьбе?»

Одни довольствуются трусливой индиферентностью; другие, большая часть, презирает народ, «la canaille», и готовы растерзать его, если только он посмеет коснуться их привилегий.

Появится, правда, иногда какой-нибудь юнец, мечтающий о барабанном бое и баррикадах, ищущий сильных ощущений, но как только он увидит, что путь к баррикадам тяжел, а в лавровом венке, которого он добивается, слишком много терний, он отказывается от борьбы за освобождение народа. Большею частью, это честолюбцы, которые стараются хитростью снискать расположение народа и будут первые громить его, когда он захочет провести в жизнь те принципы, которые оне сами проповедовали. Они готовы даже навести пушки на эту «презренную толпу», если только она посмеет восстать не по их сигналу.

Прибавьте к этому бессмысленное надругательство и высокомерное презрение большей части нашего обще-

ства, и вы получите ясную картину того, что дает сейчас буржуазная молодежь народу, чтоб помочь ему в его социальной эволюции.

И вы еще спрашиваете: «Что делать?».

Что делать, когда еще ничего не сделано, когда целой армии молодых сил, готовых пожертвовать своими способностями, энергией и талантом, не хватило-бы на то, чтоб помочь народу в предпринятой им грандиозной работе.

Вы, любители чистой науки, неужели, если вы прониклись принципами социализма и поняли значение наступающей революции, вы не замечаете, что вся наука должна быть изменена соответственно новым принципам; что и в этой области нужна революция, которая своим значением должна превзойти переворот, изменивший течение наук в XVIII веке? Неужели вы не понимаете, что современная история—басня о величии царей, история генералов и парламентов должна быть обращена в историю народа, в историю эволюции человечества? Что социальная экономия, оправдывающая сейчас эксплоатацию капиталистами, должна быть переработана, как в своих основных принципах, так и в неисчислимых приложениях? Что антропология, социология и этика должны быть пересозданы, что даже естественные науки должны получить новое освещение, изменяющее, как способы понимания явлений природы, так и методы их изложения? Что же, неужели вам мало работы? Посвятите ваши знания, ваши силы служению новой науке. А, главным образом, помогите нам вашей железной логикой победить вековые пред-

рассудки, выработать путем синтеза основы лучших организаций; научите нас проявлять в наших рассуждениях убежденность, присущую точным наукам; покажите своим примером, как посвящать жизнь служению истине.

Вы, доктора, которых тяжелый опыт заставил понять социализм, повторяйте нам каждый день, что человечество вырождается, что оно погибнет, если не будут изменены условия его жизни и работы. Что ваши лекарства бессильны, пока девяносто девять сотых человечества прозябает в условиях жизни, прямо противоположных требованиям медицины; что должны быть искоренены сами причины болезней, и что есть средства для искоренения. Возьмите ваш скальпель; рассеките верной рукой современное общество, идущее по пути к разложению, и внушите нам, что рациональная жизнь не сказка и что нельзя останавливаться перед ампутацией члена, зараженного гангреной, когда опасность грозит всему организму.

А вы, изыскивающие способы приложения науки к промышленности, расскажите нам откровенно, каков результат вашей работы. Скажите тем, кто не решается порвать с настоящим, сколько зачатков новых открытий несет в себе современное знание, чем бы могла быть промышленность при нормальных условиях и сколько-бы мог производить человек, если-бы он постоянно работал над улучшением способов производства. Посвятите вашу интуицию, ваш практический ум, ваши организаторские таланты народу, вместо того, чтобы отдавать все на служение эксплоататорам.

А вы, поэты, художники, скульпторы и музыканты, если вы способны понять, в чем ваше призвание и

интересы искусства, принесите ваше перо, вашу кисть, ваш резец на алтарь революции. Изобразите нам в сильных образах, захватывающих картинах, бодрящих звуках титаническую борьбу народа с его притеснителями; вдохните в сердца молодежи частичку того революционного огня, который вдохновлял наших предков, расскажите женщине, как возвышенна и красива будет деятельность ее мужа, если он посвятит свою жизнь социальной эмансипации. Покажите человечеству в ярких красках все уродство современной жизни и заставьте его приглядеться к причинам этого уродства; опишите ему, чем была-бы жизнь, если бы она не сталкивалась на каждом шагу с нелепостью и гнусностью современного строя.

Словом, вы все, обладатели знаний и талантов, если в вас не умерло все человеческое, ваш долг работать для тех, кто унижен и оскорблен. Там нуждаются в вас, там ждут вас. Идите к ним не как учителя, а как товарищи по борьбе; не руководить ими, а вдохновлять в новой для вас среде; не поучать, а впитывать в себя стремления масс, их предугадывать и формулировать. Возьмитесь за эту работу с юношеским пылом и старайтесь провести в жизнь те принципы, которые вы почерпнули у народа. Тогда, и только тогда, вы будете жить полной рациональной жизнью. Каждое ваше усилие в этом направлении будет приносить обильные плоды; гармония, установившаяся между вашими поступками и требованиями вашей совести, пробудит в вас силы, о существовании которых вы и не подозреваете.

Борьба за истину, за справедливость, за равенство, в среде народа—что может быть возвышеннее?

IV.

В трех длинных главах доказывал я молодым людям состоятельных классов, что при диллеме, поставленной им жизнью, если они смелы и искренни, они придут в ряды социалистов и с ними будут работать для социальной революции. Ведь эта истина так проста! А сколько предрассудков приходится разрушать, сколько софизмов и возражений опровергать, говоря о ней с молодыми людьми из буржуазии!

Мне легче будет иметь дело с вами, молодые люди из народа. Сама жизнь вас заставит стать социалистами, если вы хоть сколько-нибудь сознательно относитесь к окружающему. Ведь современный социализм создан народом. Мыслители из буржуазии только изложили его в научной форме и дали ему философское обоснование, но основные принципы социализма—продукт коллективной мысли рабочего народа. А рациональный социализм Интернационала, составляющий нашу главную силу, разве он не был создан в организациях рабочих самим народом? И писатели содействующие его развитию, формулировали только идеи и стремления, уже намеченные в среде народа.

Принадлежать к рабочему классу и не посвятить себя творчеству социализма—это значит действовать против своих собственных интересов, отрицать самую основу своего существования и свою историческую миссию.

Помните-ли вы то время, когда, еще ребенком, в холодный зимний день, вы бегали играть в ваш темный переулок? Мороз пробирал вас через вашу старенькую одежду, и ноги мокли в рваных сапожках.

Уже тогда, видя издали упитанных и богато одетых детей, вы прекрасно знали, что вы и ваши товарищи превосходите и умом, и энергией, и сообразительностью, этих разодетых малышей, свысока смотрящих на вас. Но в то же время, как нужда заставляла вас работать по двенадцати часов в сутки в грязной мастерской и в течение нескольких лет, следя за равномерным движением машин, вы сами превращались в машины,—они, баловни судьбы, получали образование в школах, в гимназиях, в университетах. А теперь эти самые дети, менее даровитые, но более образованные, стали вашими хозяевами и будут наслаждаться всеми благами жизни, всеми плодами цивилизации. А вы? Что вас ожидает в жизни?

Вы живете в темной, сырой комнате, в которой ютятся пять, шесть человек; вы питаетесь исключительно хлебом, картофелем и какой-то черной жижицей, именуемой кофеем... И кроме заботы о том, чтоб заплатить за черный хлеб и за грязную конуру, есть ли у вас время подумать о чем-либо другом?!

Неужели и вам придется влачить то жалкое существование, которое влачили ваши мать и отец в течение тридцати-сорока лет! неужели и вам придется всю жизнь работать только для того, чтоб доставить нескольким избранным возможность наслаждаться благосостоянием, наукой, искусством, а самим вечно заботиться только о куске хлеба? неужели и вам придется отказаться от всего, что делает жизнь прекрасной, чтоб предоставить все преимущества горсти бездельников? неужели и вам придется вечно работать до изнеможения и знать лишь нужду и даже нищету в периоды безработицы?...

Может быть, вы смиритесь и, не видя возможности изменить свое положение, скажете: «Целые поколения покорялись этой участи, и я, не имея силы протестовать, должен также покориться! Что-же, буду работать, а там посмотрим!»

Пусть будет так! Жизнь сама вас научит.

Придет день, когда наступит ужасный кризис, который убьет целую отрасль промышленности, и тысячи рабочих останутся без заработка; семьи их будут гибнуть от голода. Вы, конечно, всеми силами будете бороться с этим бедствием. Но вскоре вы увидите, что ваша жена, ваш ребенок, ваш друг изнемогают от лишений; тают на ваших глазах и, за недостатком пищи и ухода, медленно чахнут и молча умирают в своем темном углу. А жизнь, которой нет дела до этих жертв, кипит в богатых, залитых солнцем кварталах большого города, принося волны наслаждения и веселья баловням судьбы. Вы поймете тогда всю подлость современного строя, вы призадумаетесь над причинами кризисов и нищеты, вы постигнете весь ужас несправедливости, отдающей тысячи людей в руки небольшого числа алчных капиталистов, проводящих всю жизнь в праздности. Вы согласитесь тогда, что социалисты правы, говоря о необходимости полного пресбразования основ современного общества.

Когда хозяин уменьшит вашу заработную плату, не брезгуя этими грошами, чтоб округлить свое состояние, и вы будете протестовать, он вам надменно скажет:

— «Питайтесь воздухом, если не хотите работать за эту цену».

Вы поймете тогда, что ваш хозяин не только хочет содрать с вас шкуру, но смотрит на вас, как на

существа низшей расы, что он не довольствуется тем, что своими деньгами держит вас в когтях, но и стремится сделать из вас раба во всех отношениях. Тогда,—или вы покоритесь, откажетесь от человеческого достоинства и молча будете переносить всякие оскорбления; или же кровь бросится вам в голову, вам станет противна ваша работа, вы восстанете и, получив рассчет от хозяина, поймете, что правы социалисты, когда говорят:

— «Восстань, восстань против экономического рабства, так как в нем источник всякого рабства!»

Тогда вы придете в ряды социалистов и будете вместе с ними работать над уничтожением всякого рабства: экономического, политического и социального.

Наступит день, когды вы узнаете о судьбе, постигшей молодую девушку, горячо любимую вами за ее открытый, честный взгляд, стройный стан, оживленную речь. После долгих лет голода и нищеты, она решилась покинуть деревню и поехала в город искать заработка; она знала, что борьба за существование тяжела, но надеялась честно заработать кусок хлеба. В городе за ней стал ухаживать состоятельный юноша, увлек ее своим красноречием, и она отдалась ему со всею страстью молодой чистой души. Через год бедная девушка была брошена, с ребенком на руках. Она не упала духом, продолжала бороться, но не вынесла нищеты и страданий и умерла в больнице... Что же сделаете вы тогда? Утешитесь пошлыми словами: «Она не первая, не последняя», и пойдете с товарищами в ресторан, оскорбляя непристойными словами память несчастной девушки? Или же возмутитесь до глубины души, постараетесь найти мерзавца-соблазнителя и

отомстить ему за его преступление? Но во всяком случае, вы призадумаетесь над причинами подобных фактов, ежедневно повторяющихся, и поймете, что из этого положения нет выхода, пока общество разделено на угнетенных тружеников и праздных жуиров со скотскими наклонностями. Вы поймете, что необходимо уничтожить эту пропасть, и придете в ряды социалистов.

А вы, женщины из народа, можете-ли вы быть равнодушными к подобным историям? Лаская белокурую головку нежно прильнувшего к вам ребенка, не задумываетесь-ли вы над участью, ожидающей его при современном строе? Хотите-ли вы, чтоб ваши сыновья прозябали подобно тому, как прозябал ваш отец, всю жизнь думая о куске хлеба, не имея других радостей, как посещение кабака?

Хотите-ли вы, чтоб ваш муж и ваш сын оставались во власти первого встречного, получившего от отца капитал для эксплоатации? Согласны-ли вы, чтоб они оставались пушечным мясом, рабами капиталистов, навозом, удобряющим поля богачей?.

Нет, тысячу раз нет! Я знаю, как вы возмущались, когда ваши мужья, смело начавши забастовку, покорно приняли унизительные условия, предложенные им надменным тоном толстым буржуа! Я знаю, как вы восторгались женщинами-испанками, идущими во время народных восстаний в первых рядах подставлять свою грудь под штыки солдат! С каким уважением, с какой гордостью вы произносите имя женщины, стрелявшей в деспота, посмевшего оскорбить социалиста, содержавшегося в тюрьме. Я знаю, с ка-

ким трепетом вы читали о храбрости женщин, стоявших под градом пуль на улицах Парижа, вдохновляя мужей своих на героические подвиги.

Зная все это, я уверен, что и вы, современные женщины, примкнете к тем, кто работает над завоеванием лучшего будущего.

Все вы, честные молодые люди, крестьяне, рабочие, чиновники, солдаты, вы поймете ваши права и придете к нам. Вы придете помогать вашим братьям пролагать путь революции, которая уничтожит рабство, разрушит старые традиции, откроет человечеству новые горизонты, даст истинную свободу, истинное равенство, труд для всех, всеобщее пользование плодами своих трудов и счастливую рациональную жизнь.

Тогда нам не скажут, что мы маленькая горсточка, не имеющая сил достигнуть намеченной нами цели.

Сделаем подсчет и узнаем, сколько нас, жертв несправедливости. Крестьяне... Нас, работающих на других, довольствующихся овсом, предоставляя пшеницу хозяину, целые миллионы; мы составляем большую часть человечества. Рабочіе... нас, ходящих в лохмотьях, изготовляя шелка и бархат для богачей, тоже немало: когда свистки заводов и фабрик предоставляют нам кратковременный отдых, мы, как бушующее море, заливаем улицы и площади больших городов.

Страждущие и угнетенные, мы грозная сила, —океан, способный все поглотить. Стоит нам захотеть и мы в один миг завоюем счастье всего человечества.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

Книгоиздательство
«ГОЛОС ТРУДА».

Вышли в свет и поступили в продажу следующие издания:

М. Бакунин. Бог и Государство. 1 р. 25 к.
Ивто. Азбука Синдикализма. 50 к.
С. Фор. Преступление бога. 50 к. (Распродано).
Кропоткин. Политические права. 10 к.
» Новый Интернационал. 10 к.
» К Молодому поколению. 1 р.
Ж. Грав. Будущее Общество. ц. 15 р.

Печатается и в скором времени поступит в продажу:

М. Бакунин. Собрание сочинений, том I.
» » » **том II.**
Кропоткин. Современная наука и Анархизм.
Анархия.
Государство и его историческая роль и
Анархия, ее философия и идеал.

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

ПЕТРОГРАД,
Просп. Володарского, 56
(бы ш. Литейный пр.).

МОСКВА,
Тверская 70.

Типография «Научное Дело» Загородный пр., 74 Тел. 19-30.